

ВИКТОР ЛЕДЕНЕВ

ЗОЛОТО САМУРАЕВ

Вьетнамский коктейль

Виктор Леденев

Золото самураев

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Леденев В.

Золото самураев / В. Леденев — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Вьетнамский коктейль)

Повесть рассказывает о малоизвестной странице нашей истории - участию советских специалистов в войне во Вьетнаме. Главный герой Павел служит в спецподразделениях, занятых технической разведкой. Они обезвреживают новейшие мины и бомбы, охотятся за вражескими новинками в области электроники. Не всегда рейды в джунгли заканчиваются удачно. Павлу и его друзьям приходится выживать в очень сложных условиях. Иногда приходится жертвовать очень многим, чтобы выполнить задание и уцелеть."Золото самураев" - продолжение повести "Вьетнамский коктейль", в которой главному герою приходится иметь дело с международной преступностью, война словно преследует его.

© Леденев В.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виктор Леденев

Вьетнамский коктейль.

Золото самураев

Глава 1

Я сидел, прислонившись к небольшому парапету, и пытался кусочками гальки расколотить фонарь в виде желтого стеклянного шарика. Один я уже разбил, но этот был подальше, и я часто мазал... Было ужасно противно, после того как меня взашей выбросили из этого поганого кабачка с рулеткой. Я, конечно, просадил все деньги, напился до свинского состояния, а три маленьких японца (здесь вышибали) в два счета сделали меня как миленького и оставили отдыхать на дорожке у черного хода. Один из них оказался сердобольным – за последнюю оставшуюся у меня пятерку пообещал позвонить моему другу и сообщить, где я нахожусь.

Я уже дважды попал в фонарь, и это придало мне новые силы, когда по гравию зашуршили шины и меня куда-то поволокли, как мешок с бананами. Я не сопротивлялся – это был мой лучший друг Энди. Машина была с открытым верхом, так что я благополучно перевалился через борт и очутился на заднем сидении. В руке у меня остался один-единственный камушек. Пока машина медленно выруливала с узкой дорожки, я тщательно прицелился и попал! Плафон мягко треснул и рассыпался.

– Есть! – довольный собой, выдохнул я и отключился.

По потолку каюты бегали солнечные зайчики. Голова раскалывалась после вчерашнего, и мне смутно припомнились зайчики, которые плавали у меня перед глазами, когда три невзрачных маленьких японца измоловили меня по первому разряду и прескокойно вышвырнули из кабаре-казино. Припомнилось и то, что я просадил более двух тысяч долларов в рулетку, потратил сотен пять на свое собственное угожение и бесплатную выпивку для каждой шлюхи, цеплявшейся ко мне. Но как я попал на яхту, служившую нам домом в Сингапуре, я уже не помнил.

Все! Пьянству – бой! Порезвился и хватит. Такую похвальную мысль следовало обдумать с более ясной головой. С трудом добравшись до шкафчика со спиртным, я налил три четверти стакана скотча и залпом проглотил. Обратный путь до кровати был за пределами моих возможностей, и я уселся на пол со стаканом и бутылкой. Минут через пятнадцать мне показалось, что я абсолютно прав, объявив смертельный бой пьянству, и решил отметить это еще одной солидной порцией. Сразу все стало ясно, предметы обрели четкие контуры, но пол не перестал качаться. Я уж было собрался подкрепиться еще, но до меня дошло, что все правильно – покачивало не меня, а яхту. Слава Богу! Я даже мог стоять и свободно двигаться. Правда, оставалась тупая боль в животе, болели руки, ноги и челюсть. Еще распухла правая кисть. Это тоже было понятно: вчера я попытался, едва держась на ногах, врезать одному из китаев прямым в челюсть, но тот ушел от удара, и, кажется, я пробил кулаком огромную кастрюлю. А может, и не пробил... Но рука распухла – во что-то я все-таки попал. На этом мои воспоминания о вчерашнем вечере заканчивались и для будущих мемуаров не годились. Тело чувствовало себя так, как будто побывало под грузовиком. О голове сказать было сложнее – физическая боль смешивалась с жесточайшим похмельем, и определить это состояние я не мог. В великом и могучем русском языке нашлось бы два-три выражения, но и они не могли бы полностью пере-

дать мои муки. Дверь каюты беззвучно открылась, и с подносом в руках вошел Пачанг – наш «бой», друг и напарник во всех делах. На подносе стояли бутылки «колы», вазочка с солеными орешками и пара бутылок голландского пива. Пачанг вежливо, но решительно забрал у меня виски, оставил поднос и, укоризненно покачав головой, вышел. Да, видимо, что-то я натворил этакое, что даже Пачанг не одобряет. Попытки вспомнить детали ни к чему не привели, зато пиво с орешками немного прочистило мозги, и меня потянуло на воспоминания вообще...

Когда мы с Энди попали в Бангкок и он приобрел эту шхуну, это, как оказалось, было самым простым из того, что нас ожидало. Самое страшное – местная администрация. Звери! Куда там нашим советским бюрократам, с которыми в конце концов все можно было решить с помощью водки. Здесь все стоило го-о-раздо дороже. Паспорта, регистрация корабля, капитанская лицензия и еще тысяча бумажек. Наконец, все было получено, что обошлось нам в кругленькую сумму. На наше счастье, в консульском отделе посольства США у Энди оказался старый школьный приятель. После трехочных походов по самым злачным местам Бангкока я тоже оказался в числе друзей Чарльза Льюиса Кларка, а именно с таким дурацким именем отпустили его гулять по свету родители. Папа у него был миллионер и очень не хотел закончить жизнь в ночлежке, взяв сына в свое дело, потому Кларк-младший и оказался далеко от дома на тепленьком mestechke консула в Таиланде. И сынок пристроен, и папины деньги в безопасности. А на престиж их обожаемого звездно-полосатого флага папаше с сыночком было наплевать с Эмпайр Стейт Билдинг.

Однажды мы все-таки нашли его не в уличном кафе, а на работе. Он завел нас в пыльную комнатенку с одной-единственной лампочкой, ткнул пальцем в сторону нескольких картонных ящиков и заявил:

– Здесь паспорта всех кретинов, растяп и разгильдяев, которые потеряли их в Бангкоке за последние два года. Ищите, может, что и найдете. А мне надо работать.

После чего он улегся на канцелярском столе в позе великого вождя в мавзолее и мгновенно захрапел. Мне бы такую работу... Боже, кто только не терял здесь паспорта! Я даже нашел один советский дипломатический, и мы славно потрудились часа два, пока не подобрали подходящие. Рассовав добычу по карманам, мы заявились к Чарльзу, который уже выспался. Он ждал нас в своем кабинете под сенью родимого флага и едва успел сунуть бутылку под стол.

– Нашли?

– А как же! Целехонькие, лежали, как в сейфе.

Чарльз сунул нам какие-то бланки, в которых мы уверили американское правительство, что нашли потерянные ранее паспорта. Чарльз, не глянув даже, что мы там нацарапали, засунул их в громадную кипу бумаг.

– Лучше любого сейфа. В этом бардаке их здесь никто никогда не найдет, даже если я наконец сбегу отсюда. – Он взглянул в окно и вздохнул. – А куда, собственно, бежать? И зачем?

Он погрузился в какие-то сложные реминисценции о своей судьбе, а мы поспешно распрощались.

— Да, — рассуждал я по старой привычке сам с собой, — капитализм все-таки лучше. Наши бюрократы тоже пьют будь здоров и бездельничают не хуже этого типа, но не за такие же бабки! За такую взятку наш занюханный на вид чиновник тебе удостоверение Героя Советского Союза достал бы. Да еще и с золотой звездой в придачу. Эх, наших бы ребят к ним на работу... Они бы эти Штаты за три месяца продали с потрохами, скупили снова и еще раз загнали бы по дешевке какой-нибудь Кении. Не умеют у нас ценить чиновника, не умеют...

Специалистов по ювелирной подделке документов в Бангкоке оказалось больше, чем пьяниц-консулов. Но они не вывешивали на своих конторах рекламу, и найти их было непросто. К тому же нам нужен был мастер.

Энди не вылезал из баров. В его стране, как он утверждал, только бармены и парикмахеры знают все на свете, и если искать фальшивомонетчиков или каких-то мошенников, то надо расспрашивать барменов. Местным парикмахерам Энди не доверял. Мне порядком надоело таскаться с ним по барам. К тому же мое полное невежество в тайском было весьма подозрительным. Однако голь на выдумки хитра, и я приоровился не явно, но достаточно откровенно выдавать себя за американского джи-ай на заслуженном отдыхе от вьетнамских джунглей. Тем более что морпехи действительно здесь развлекались вовсю.

Наконец-то я понял, каким был идиотом! Давно бы так... Теперь стоило мне появиться где-либо чуть-чуть подальше от респектабельных мест города, как на мне висели две-три прекрасных девицы. Что с ними делать, я знал хорошо. Как оказалось, что делать со мной, они знали лучше меня... Через неделю я уже мог работать гидом в этих районах. А кое-какие места я не показал бы даже лучшему другу, приберегая их для себя. Долгое воздержание и боевые действия повлияли на меня лучше любых стимуляторов, и мое появление всегда вызывало у девочек искренний восторг.

Чего греха таить, довольно скоро я почувствовал некоторую усталость, однако к Май я заходил ежедневно. Нечто вроде разминки... Май была из Камбоджи и поддержала славу своей страны — в постели была великолепна. Ее английский был достаточен, чтобы мы понимали друг друга, но не настолько хорош, чтобы она изводила меня своей болтовней. Обычно я заглядывал к ней после утреннего коктейля и проводил в ее миниатюрном домике самое жаркое время. Вечером любопытство гнало меня на улицы.

Отправлялся бесцельно гулять по городу, рассматривая архитектурные памятники: храм Пхра-Чула-Чеди, ботанический музей, — фланировал, как турист, по шикарным Линк-роуд и Рама IV, не забывая перехватывать стаканчик-другой в многочисленных уличных кафе.

Случай свел меня с Пачангом. Однажды я заблудился. Пока искал верную дорогу, где-то в районе Кратумбарана мне представилась до боли знакомая, но давно не виденная картина — шикарная драка. Но я ошибся — это была не драка, а самый настоящий бой на уничтожение. Четверо молодцов, двое из них с короткими ножами, нападали на невысокого, но плотного тайца. При мне этот таец успел нагло выключить одного из нападавших и нанес сильнейший удар ногой в челюсть второму, ненадолго выведя его из игры. Но силы были явно не равны, и как бы этот паренек ни был силен и ловок, численность сторон была не в его пользу.

Не знаю, почему, но через десять секунд я оказался в гуще схватки. Одного типа основательно вырубил ладонью сзади в основание черепа. Этот тоже оказался за канатами ринга, но на меня неожиданно, оставив в покое тайца, бросился другой, с ножом, и едва не достал

мою левую руку круговым ударом. Чудом избежав контакта, я пригнулся и, имитируя захват ноги, успел перехватить его руку сверху, чего собственно и добивался. Резкий разворот – и его локоть противно треснул, а рука брезвально повисла.

Таец тоже не терял времени даром и молниеносными уходами раз за разом заставлял противника промахиваться, пока тот не раскрылся и в то же мгновение получил серию ударов в голову, коленом в солнечное и, наконец, смертельный удар в горло. Пока мы разбирались, один, похожий на главаря этой шайки-лейки, уже успел отдохнуть и, сидя на земле, пытался вытащить из кармана револьвер. Мой «стечкин» был при мне (хотя ужасно трудно его было маскировать в шортах и легкой рубашке), и через секунду я прижал его к затылку уже вставшего на ноги главаря. Револьвер упал в дорожную пыль, а после точного удара по голове рукояткой «стечкина» туда же отправился и сам хозяин. Я, кажется, перестарался («стечкин» –увесистая железяка), так как ноги упавшего стали нехорошо подергиваться.

Громила, вырубленный тайцем, начал подавать признаки жизни. Но ненадолго. Таец поднял выпавший из переломанной руки единственного оставшегося на ногах бандита нож, спокойно всадил его в ямочку чуть пониже гортани, а потом так же хладнокровно проделал эту же операцию и с последним. Мне стало не по себе от такого спокойного убийства, и я подготовил пистолет. Но таец знаком приказал мне не вмешиваться, а потом на хорошем английском поблагодарил меня. Я вздохнул с облегчением и огляделся.

Выяснилось, что наша «битва при пирамидах» произошла всего в нескольких десятках метров от реки ЧАО-Пхрай-ривер. Таец, ухватив за ногу, потащил главаря по пыли к старой деревянной набережной и сбросил его в воду. Мне ничего не оставалось делать, как помочь ему избавиться от нежелательных, хотя и немых, свидетелей нашей потасовки. Через десять минут все вокруг было тихо и безмятежно, словно шестеро мужчин не сходились здесь в смертельной схватке.

Таец показал направление, и в ста метрах я увидел две машины. Он уселся за руль синего «ситроена», развернулся, отъехал задом метров пятьдесят и надавил на газ. Почти у самого берега он вывалился из машины, которая сиганула в реку с деревянного настила и быстро утонула. Таец так же невозмутимо выбил пыль из одежды и показал мне на «тойоту».

Еще через десять минут мы катили по шоссе молча – я не знал, о чем говорить и что спрашивать. Проехав по шикарной Линк-роуд, свернули направо возле Люмпини-парка, а дальше я уже был не в силах ориентироваться в многочисленных поворотах. В городе я успел узнать только центр и еще кое-какие кварталы, а все остальное было для меня темным лесом, тайгой. Это была явная окраина, хотя еще и не трущобы. Скорее, район людей с невысоким достатком. Таец так же молча подъехал к одному из скромных домиков и припарковался, приглашая меня выйти из машины. Чувство тревоги меня не покидало, только «стечкин» придавал немного уверенности.

Мы вошли в дом. Он был пуст, хотя везде было чисто и прибрано – кто-то явно следил за этим. Так же молча, таец предложил мне плетеное кресло и отправился к открытому бару в стене. Бутылка виски, содовая и лед перекочевали на маленький столик. Таец плеснул сначала немного себе, потом наполнил стаканы наполовину и положил лед. После первых глотков он отставил стакан.

– Что заставило вас, иностранца, вдруг вступаться за грязного восточного косоглазого? Вы меня откуда-то знаете или кого-то представляете?

– В моей стране, – я не стал уточнять, в какой, – негоже проходить мимо, если убивают человека.

– Стало быть, вы не американец. Там смотрят в другую сторону, если видят что-либо подобное. Вы – славянин, хотя ваш английский достаточно хорош и у вас не очень традиционная славянская внешность.

Повинуясь внезапному порыву, я вдруг понял, что этот таец может нам помочь.

– Я еще не знаю, как меня зовут, потеря памяти после ранения, знаете ли, а вас?

– Пачанг. Профессия у меня мирная и довольно почитаемая в моей стране – я занимаюсь контрабандой. Эти люди перехватили две мои джонки из Вьентьяна и собирались расправиться со мной. Спасибо за помощь, их было слишком много даже для меня...

– Хорошее у тебя о себе мнение, – подумал я, – если четверо с ножами и револьвером «слишком много даже для него!». Но вслух я этого не произнес, а только с видимым уважением констатировал:

– Да, вы славно дрались, этому долго учиться надо...

– У меня хороший учитель. А вот у вас пистолет замечательный, я знаком с этой маркой. Во Вьетнаме не пришлось бывать?

– Достался случайно, приобрел по сходной цене.

– На такие пистолеты сходной цены в Таиланде не бывает. Здесь за них платят большие деньги, но оставим этот скучный разговор. Вы, не зная меня, спасли мне жизнь. Я навечно у вас в долгушке. Как это получилось, что у вас до сих пор нет имени? Трудности с документами?

Понятно, что он не клюнул на байку о потере памяти. Я наплел ему историю, замешанную на смеси лжи и правды, и в конце концов посетовал, что трудно найти в Бангкоке нужного специалиста. Пачанг энергично замотал головой и рассмеялся.

– Для вас – да, но не для меня. Назначим место встречи, пригласите своего друга, поговорим. Все будет о-кей. Так говорят у вас на родине?

– Вот именно так. О-кей.

– Меня не ищите и не вздумайте приезжать сюда, хотя я уверен, что дорогу сюда вы и не найдете. Завтра в полдень в вестибюле отеля «Пакчонг» – легко запомнить, почти, как мое имя. Там в это время толчется много туристов. Я пойду, а вы следуйте за мной, а так как я вижу, что кое в чем вы соображаете, проверите, нет ли за мной хвоста. Боюсь, эти ребята быстро разберутся, куда подевались их киллеры. Кстати, еще раз спасибо за помощь. Особенно за того громилу с пистолетом. Если б не вы, то вместо них в реке пришлось бы плавать мне. А я, знаете, люблю сушу или твердую палубу под ногами.

Пачанг довез меня до какого-то оживленного перекрестка, высадил и, не попрощавшись, рванул с места. Я поймал такси и через полчаса на яхте рассказал Энди об этом приключении. Сначала возмущению и ярости Энди не было предела. Он материл меня на всех ему известных языках, включая русский, так как первое, что он хорошо освоил в русском – это мат. Потом он вдруг успокоился и как ни в чем не бывало начал, по обыкновению, просчитывать варианты. Версий было немного.

Первое – западня с целью шантажа или грабежа. Мы сочли ее несущественной. Слишком сложное начало для такого дела. Второе – Пачанг выдает нас властям как шпионов, дезертиров, бандитов или еще что-то в этом духе и получает от правительства деньги за столь ценную добычу. Пораскинув мозгами, мы все-таки решили, что и эта версия не годится – у Пачанга явно рыльце в пушку, хотя контрабанда была фактически легальным промыслом.

Оставалось третье – поверить и посмотреть, что из этого выйдет. Хоть день был жарким, мы все же надели светлые костюмы, чтобы прикрыть амуницию, которую решили прихватить с собой. Да и респектабельнее как-то…

Глава 2

Пачанга мы сразу заметили, едва вошли в роскошный вестибюль отеля, сплошь заполненный суетящимися туристами. Боже, какой только речи я не услышал за одну минуту! Казалось, что здесь проходит конкурс «Кто больше знает языков» в сочетании с чемпионатом среди женщин по раздеванию... Пачанг едва заметно кивнул в сторону дверей и неторопливо направился к выходу.

Протолкавшись через толпу, мы последовали за ним. Таец все так же неторопливо шел у самой кромки тротуара, как к нему неожиданно подкатило такси. Он нырнул в машину, сделав приглашающий жест. Мы не заставили себя ждать. Таксист сам знал дорогу, с наглостью, свойственной, наверно, всем таксистам мира, уверенно мчался по каким-то незнакомым улицам. По моему мнению, он нарушил все мыслимые и немыслимые правила уличного движения мира: подрезал машины, вылетал на встречную полосу, проскачивал на любой цвет светофора, превышал скорость, ехал по тротуарам, парковым дорожкам... Я, признаюсь, тоже не всегда придерживался всех правил, но это! Пару раз я уже ощущал беленькие крыльшки у себя за спиной, пока, наконец, он не остановился возле ничем не примечательного дома, и, едва мы выбрались из машины, мгновенно испарился.

– Хороший человек, – коротко заметил Пачанг.

Справившись с дрожью в ногах, мы вошли в дом. Семья, видать, там жила большая, комнат много, и везде хозяева занимались своими делами. Старушечки что-то штопала, детки ревились, из кухни доносилось приятное шкворчанье. Я было поздоровался, но никто даже не повернул головы в нашу сторону, мы для них были призраками, нас просто не существовало. Спокойно ориентируясь в доме, Пачанг вывел нас с другого хода, и мы углубились в лабиринт переулков, пока таец не остановился возле какой-то двери и не сказал несколько слов на тарабарском для меня языке. Дверь бесшумно отворилась, и мы очутились в полутемной прихожей. Возникший из воздуха человек молча приказал следовать за ним. Мы повиновались и очутились в роскошно обставленной по европейскому образцу гостиной. Даже камин там был. Как в лучших домах Лондона!

В обстановку вносил некоторый диссонанс письменный стол, из-за которого нам навстречу устремился хозяин дома. Без всяких восточных церемоний он пожал нам руки и тут же начал готовить *high ball*. Это уже попахивало Америкой.

– Можете мне не рассказывать о ваших проблемах, а я не стану расспрашивать вас, зачем вам это нужно. Так спокойнее. Вы спасли жизнь моего брата, а значит, вы теперь члены нашей семьи. Документы – не проблема, но у меня будет просьба. Вы можете не делать этого, на наши отношения и чувства к вам это не повлияет. Просто я поищу другой путь. Итак, добро пожаловать в ваш дом в Таиланде, братья.

Хозяин приподнял бокал, поклонился и сделал осторожный глоток. Мы последовали его примеру, немного сбитые с толку и настороженные. Вот так сходу приобрести кровных родственников в Таиланде? Что-то я не припомню, чтобы мама рассказывала об этой стране... Рассевшись в креслах и потягивая виски со льдом, каждый из нас обдумывал ситуацию, но мне, например, ничего путного в голову не приходило. Лицо Энди сияло настоящей голливудской улыбкой, но я голову дал бы на отсечение, что он тоже не догадывался, куда и во что

мы влипли. Но, как говорят у него на родине, – keep a smile. Образно говоря – держи хвост пистолетом. Хозяин, похоже, понимал наше состояние и перешел к делу.

– Пачанг не только мой брат, но и компаньон. Мы оба понесли тяжелые убытки: одна из банд, которые живут только грабежом и убийствами, вот уже третий раз за два месяца перехватывает наши джонки в Заливе и на Реке. Мы тоже не бойскауты, так, кажется, говорят в Америке? – Хозяин улыбнулся Энди. – Но мы ведем игру по правилам, хотя этих правил нет в наших законах. Мы делаем свой бизнес и не мешаем делать его другим. Нам и так приходится нелегко: Меконг один на всех, а вокруг северные, южные вьетнамцы, патет-лао, кхмеры, племена мео, китайцы, готовые воевать с кем угодно и кто его знает за что. А Меконг – один на всех. Теперь на нем появились американцы со своими пушками и напалмом. А Меконг – один. Это река жизни для наших стран, это дорога бизнеса. Это наши деньги. И все те, о ком я упомянул, хотят урвать свой кусок. Их еще можно понять: одни строят коммунизм, другие этого не хотят. Ну и пусть строят, пусть разрушают, но только не на мои деньги, – закончил он жестко. – Как следствие этого политического сумасшествия, появились и другие, которые просто грабят и убивают ради самих себя… в Таиланде появилась якудза.

Мы с Энди переглянулись.

– Японская мафия, которая тоже решила получить тут свою долю, – пояснил хозяин. – Они набирают здесь головорезов и отправляют пиратствовать на Меконге, в Заливе. Как они действуют, тебе, – хозяин ткнул в меня пальцем, – рассказывать не надо, они хотели убить моего брата, ты сам видел. Но мы тоже не спим и кое-что раскопали об одной такой организации. Мы уничтожим ее. Это, правда, займет некоторое время, и моему брату сейчас слишком опасно оставаться здесь. Сидеть же, как крот, в какой-нибудь щели, он не захочет, и я прошу вас взять его к себе.

Мы снова переглянулись. Хозяин рассмеялся.

– Вам тоже не стоит надолго задерживаться в Таиланде. Уверен, вас уже ищут, причем очень серьезные службы. Не удивляйтесь, слухи по Меконгу расходятся быстро, например, о четырех храбрецах, пробившихся к Вьентьяну и разгромивших чуть ли не дивизию американцев и среди бела дня укравших самолет. Может, это и не вы, это просто легенда… Но моя служба работает неплохо. Правда, вас всего двое…

– Двое не дожили до счастливой встречи с вами, – неожиданно откровенно ответил Энди по-тайски.

Глаза хозяина и Пачанга поползли куда-то под их мощные шевелюры.

– Вы знаете тайский?

– Плохо. Я бывал в Таиланде раньше, и кое-что осталось в памяти.

Теперь уже я разинул рот от удивления. Мне стала понятна легкость, с которой вел себя в Бангкоке Энди, как он умудрился приобрести яхту, да и многое другое стало на свои места в моей голове. Я буквально физически ощутил, как возросло уважение братьев к Энди. Это был неплохой знак.

– Так о чём вы нас хотели просить? – продолжил Энди по-английски.

– Все очень просто. Через неделю вы получите все необходимые документы. Вам нужны не только паспорта, но и визы, права на вождение судов, все документы на судно и еще кучу бумаг: в Таиланде ничуть не меньше бюрократов, чем в любой стране. Получив все это, вы возьмете Пачанга к себе, как у вас называется, шкипером. Так всегда поступают богатые американцы. Потом Пачанг найдет для судна команду, и вы отправитесь, куда душе угодно, но не менее, чем на полгода – почему бы двум богатым янки не поплавать по здешним морям, а? Через полгода-год в паспортах будет столько отметок о визах, прививках и прочей ерунде, что разобраться в них ни один таможенный чиновник уже не сможет.

Предложение было занятное. С какой стороны ни посмотри, а это лучший выход на время, пока не уляжется суматоха, связанная с нами и Пачангом. Этот таец был умен, ничего не скажешь. Он продумал за нас все до мелочей. Глупо было отказываться.

Не сговариваясь, мы с Энди отвесили хозяину нечто вроде поклона в знак согласия и благодарности. Хозяин негромко хлопнул в ладоши и опять откуда-то, буквально из воздуха, возник молчаливый провожатый.

– Сейчас вас сфотографируют для документов, и мы продолжим беседу.

Через час мы наконец освободились. Мы были сфотографированы с усами, бородами, гладко причесанные и лохматые, загримированные так, что выглядели на пять-семь лет моложе или старше. В конце концов фотограф остался доволен. После жара от софитов фотографа мы с удовольствием налегли на виски со льдом и холодную «кока-колу»…

Мне уже надоело менять имена, но, увы, я стал Полом Зданевским, американцем во втором поколении польских кровей, а Энди поменял свою фамилию на весьма редкую и оригинальную в англосаксонском мире. Он стал Энди Смитом.

Пачанг стал полноправным и самым нужным членом команды шхуны. Поскольку я плавал раньше только на весельной лодке или на небольшом катере с подвесным мотором, а Энди когда-то катался по заливу недалеко от берега на небольшой прогулочной яхте, то Пачанг оказался для нас сущим кладом. Он провел на палубе чуть ли не всю сознательную жизнь и мог управляться с любым парусным судном.

Нашей заботой стали двигатели и навигация в открытом море. Бывало, полночи мы торчали на палубе, разыскивая нужные звезды, изучали лоции. Короче, через неделю нам предстояло стать морскими волками, а мы оставались жалкими сухопутными щенятами. В конце концов Энди не выдержал и заявил, что теорией он сыр по горло. Мне тоже так показалось, и мы решили, что на практике все познается быстрее и эффективнее…

Плавание затянулось. Сначала из-за наших великих познаний в навигации, моего почти полного непонимания команд Пачанга и задержек с их выполнением. Да и Энди порой совершил ошибки в управлении нашей красавицей. Плавание иногда было на грани гибели яхты, я уж не говорю о нас самих. Яхта была максимально автоматизирована и механизирована, но это лишь помогало, а не избавляло от трудностей. Три матроса, нанятых Пачангом, соображали в парусах значительно лучше нас. Но упорство и желание быть подальше от полуострова, имеющего Индокитайским, быстро сделали из нас вполне сносных мореходов. Скоро мы уже не

валились замертво после дня плавания, а нормально коротали прекрасные вечера за покером или стаканчиком виски, пока «джон» – автомат подруливания – успешно вел нас на Филиппины.

В Маниле мы сошли на берег настоящими морскими волками и весь день провели в местных барах. Ясное дело – к вечеру набрались спиртным по самые помидоры. Пачанг был с нами, но в выпивке был куда как скромнее наших изголодавшихся по берегу душ.

Утром, проклиная все на свете спиртные напитки, мы накачивались кофе. Пачанг едва послевал готовить новые порции и с почти отеческой улыбкой наблюдал, как два идиота хлещут священный напиток литрами.

Матросы тоже неторопливо тянули какую-то бурду и, посмеиваясь, откровенно глазели на нас. Наконец, Пачанг не выдержал и, глядя куда-то в потолок, задумчиво произнес:

– Я слышал, что у русских есть более радикальный способ поправить здоровье...

Энди вопросительно уставился на меня (если мутное выражение его глаз можно было назвать взглядом). Я понял тайца и достал бутылку. Два приличных по объему стаканчика почти мгновенно вывели нас из прострации, а Пачанг бережно отнял у меня бутылку и поставил на место. Энди было запротестовал, но я был на стороне тайца, ибо знал, чем все закончится, если бутылка останется...

Больше мы не экспериментировали – за время плавания были и Сингапур, и Гонконг, и другие жемчужины красоты и порока, но кроме женщин и умеренной выпивки – ни-ни... Мы были просто пай-мальчиками, бойскаутами младшего возраста. Пачанг нас сопровождал всюду и при малейшей угрозе потасовки или крутого разговора, если у местной нервной шлюхи оказывался «покровитель», он попросту либо уводил нас из опасного места, либо расправлялся с сутенером без нашего вмешательства. Ну, просто нянька-кормилица, Арина Родионовна какая-то. Мало-помалу мы привыкли, что все наши пожелания выполнялись, как по щучьему велению. Но довольно скоро я стал ощущать все большую неловкость перед ним. Энди же воспринимал это, как должное: есть босс и есть слуга. Его точка зрения победила – я тоже стал относиться к нашим отношениям с тайцем почти так же. Тлетворное влияние проклятого загнивающего Запада проникло и в мою душу.

Еще в той памятной драке я заметил, что Пачанг использовал какую-то не знакомую мне технику боя. Его уходы от ударов были просто фантастикой. Пачанг заметил, что мой стиль не очень ему импонирует, скромно пояснив свое утверждение тайским эквивалентом русской поговорки «сила есть – ума не надо». Потом не стал кочевряжиться и прочел мне вступительную лекцию об «айкидо», как заправский профессор, из которой я уяснил для себя главный принцип – использовать силу противника. А после нескольких практических занятий на полураке я признал правоту тайца – я был обыкновенным костоломом, не более. Вспомнил своего инструктора по рукопашному бою: знал ли он о существовании такого вида боевого искусства? И понял – знал. Но работал он с нами по программе, утвержденной каким-нибудь марафоном-генералом, который, видимо, пил водку еще с самим Харлампиевым, и самбо было для него вершиной рукопашного боя.

Второе, что я понял – Пачанг был большим мастером и прекрасным учителем. Я не удержался и как-то спросил его, где и кто обучал его самого, на что тот загадочно ответил:

– Вернемся в Бангкок, сам узнаешь.

И еще одна мысль сверлила мне мозги: почему Пачанг так заботится о нас? Неужели только из-за того, что я ему помог в заварушке, пусть даже и опасной для него? Но пока помалкивал в тряпочку и исправно, с грохотом, опасным для яхты, валился на палубу после очередной неудачной попытки достать Пачанга своим любимым прямым ударом, Он, как змея, мгновенно реагировал на все мои уловки, а я вновь и вновь проверял прочность тиковых досок палубы. Самое непонятное, что иногда, после очередной неудачи я слышал похвалу тайца, Наконец наступил долгожданный миг: я успел среагировать на прием вовремя, и Пачанг получил полновесный удар. Разница в весе у нас была внушительная, и он чуть не улетел за борт. Мгновенно вскочил, а на его лице воцарилась блаженная улыбка, будто я только что ему вручил звезду Героя Советского союза. Матросы зааплодировали. Я тоже слегка обалдел и с удивлением смотрел на свою левую руку, как на волшебную палочку...

Наши переживания были прерваны громким одобрительным свистом с рубки – Энди приветствовал мой успех и срочно готовил очередной *high ball*.

– Невероятно! Брависсимо! Наш супермен не валяется, как мешок, а стоит на ногах! За это стоит выпить.

И стал готовить еще один бокал. Я вопросительно взглянул на Пачанга. Тот, продолжая улыбаться, разрешающе кивнул. Я давно не испытывал такого наслаждения – стакан виски со льдом показался мне золотым кубком чемпиона мира.

– Й-а-а! – непроизвольно вырвался из меня торжествующий клич, и я, отхлебнув пару глотков, запустил стакан высоко вверх, а сам, ухватив всегда лежащую у рубки короткостволку, успел над самой водой превратить его в мельчайшие осколки. Впервые я ощутил, что смогу когда-нибудь сделать такое, как Пачанг, а таец, улыбаясь, поднял вверх большой палец. Честное благородное слово – я впервые за последние полтора года был по-настоящему счастлив...

Глава 3

Яхта покачивалась на стоянке для частных судов, среди себе подобных красавиц. Мы были в Сингапуре, где три маленьких китайца начисто раздолбали мое собственное мнение о своем мастерстве рукопашного боя. Я вышел на палубу. Океан переливался золотыми бликами. Невольно вспомнились слова пролетарского классика – «море смеялось...» Энди отсутствовал, а Пачанг радостно хлопнул меня по плечу, приветствуя мой отнюдь не торжественный выход. Ноги у меня были какие-то не совсем твердые, я плюхнулся на палубу и закрыл глаза. Пачанг деловito приказал одному из матросов окатить меня ведром забортной воды, чем доставил мне несказанное удовольствие, и я рявкнул:

– Еще!

Матрос несколько раз повторил операцию, прежде чем я почувствовал себя почти нормально и потому решился задать мучивший меня вопрос.

– Как же это так, дружище? Три каких-то замухрышки сделали меня, как ребенка...

Пачанг был лаконичен:

– Пьяный может драться только с пьяными.

Он был прав на все сто. Вчера я напился по-русски, то есть, в дым, в драбадан, в стельку, как свинья, сапожник... А что за русская пьянка без драки? Алкоголизм какой-то, не более. Мой наставник был прав. Я снова провалился в сон. Последнее, что успел зафиксировать, отключаясь, – Пачанг сооружал нечто вроде тента над моей головой.

Отоспавшись, я начал вспоминать детали нашего фантастического путешествия: еще пару лет назад любому, кто сказал бы мне, что я буду плавать по самым экзотическим местам нашего шарика, да еще на собственной яхте, я бы просто начистил рыло – чтобы не дразнил несбыточными мечтами. И вот нате вам. Лежу на палубе ценой в десять тысяч долларов, стоит повернуть голову – передо мной раскинулся один из легендарнейших городов мира, а подо мной плещется Южно-Китайское море. Эх, на мое бы место отца, который всю жизнь изучал и преподавал географию и никуда, кроме своей страны, не мог поехать... Железный занавес отрезал его навсегда от законного права любого географа – путешествовать. Придется мне за него. Только вот смогу ли я хоть когда-нибудь рассказать друзьям, какие закаты бывают на Филиппинах и каковы на вкус свежие плоды авокадо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.